

РЕСУРСЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

В статье аргументируется необходимость пересмотра структурной политики государства как фактора активизации инновационного процесса в России. В центре внимания – материальные, трудовые и финансово-кредитные ресурсы, несоответствие тенденций их формирования интересам повышения экономической безопасности страны. Предлагается закрепление инвестиционно-воспроизводственной доминанты неоиндустриального развития, отказ от практики превращения выручки от экспорта в зарубежный финансовый актив государства.

Ключевые слова: *топливно-энергетическая и первопредельная доминанты в структуре производства в экономике России, неадекватность ресурсной модели потребностям неоиндустриального развития, материальные, трудовые, финансово-кредитные ресурсы.*

Считая обоснованными выводы ученых, проводивших специальные исследования и выступавших с рядом публикаций по проблематике инновационного процесса и неоиндустриальной формы его проявления в последние годы [1], органы власти декларируют это в стратегии развития на перспективу [2]. На этой основе предполагается достижение качественно новых конечных результатов. Однако следует признать, что отраслевая, воспроизводственная и ресурсная составляющие в модели экономического развития России не адекватны этой целевой установке. Формой проявления такого несоответствия является отсутствие стратегии в ресурсном обеспечении неоиндустриализации. Подтверждается это, прежде всего, тем, что в объеме ВВП преобладают сырьевая, первопредельная составляющие, велика доля посреднических услуг, связанных с движением и потреблением масштабно импортируемых товаров в обмен на рентные доходы. Недооценивается значение развития «оцифрованной» техники в ресурсном обеспечении интенсивного (инновационного) типа воспроизводства. По официальным данным, в 2008–2013 гг. от 42 до 47% доходов федерального бюджета составляли нефтегазовые. В условиях чрезвычайно высокой зависимости бюджета от экспорта энергоносителей естественна тенденция роста доли экспортируемой нефти в объеме ее добычи. На увеличение объема экспорта нефти рассчитана сдача в эксплуатацию мощного нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан». При всей значимости проекта инвестиции в его реализацию хотя и содержат инновационную составляющую, но по совокупным затратам связаны все же с «трубой», а не с расходами по глубокой переработке нефти. Интенсивно будет экспортироваться продукт экстенсивного развития отрасли. Аналогично растет экспорт газа, в том числе сжиженного – даже по снижающимся ценам. С учетом отмеченных выше реалий значительная часть доходов федерального бюджета России выводится для резервирования и направляется в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. Их общий объем на начало 2014 г. превышал 5 трлн руб. Средства используются для вложений в зарубежные финансовые активы, не инвестируются для финансирования развития национальной экономики. Теряется исторически значимое время, что закрепляет деин-

дустриализацию целых отраслей и недопустимое в новом веке технологическое отставание.

Поскольку изменение ситуации в общественном производстве возможно только при условии радикального технико-технологического «прорыва» на базе неоиндустриализации и вертикальной интеграции производства в расчете на углубление кооперации труда и согласование всех взаимосвязанных функций, при нынешних темпах модернизации на это потребуются немало времени. Оно необходимо также и для подготовки кадров соответствующей квалификации. В связи с этим, а также с учетом темпов развития экономики стран-конкурентов и необходимости обеспечения национальной экономической безопасности может использоваться модель развития, суть которой – в постепенном наращивании инновационного потенциала на основе инвестиций, прежде всего, в государственный сектор национальной экономики. Из этого следует табу на дальнейшую приватизацию, хотя иными являются представления правительства об условиях экономической безопасности страны. Необходимо государственная монополия, способная выдержать высокие, но контролируемые затраты и фондоемкость на «старте» запуска инновационной модели. Должны быть активизированы инвестиции в экспериментальную базу фундаментальных исследований, в отраслевую прикладную науку, в профессиональное образование разного уровня.

В сложившейся ситуации с учетом курса на неоиндустриализацию (а она по определению должна быть крупномасштабной, инновационной по сути) проблема материальных, трудовых, финансово-кредитных ресурсов обостряется. Действующая в России экономическая модель использования ресурсов названному курсу не вполне адекватна. Она не учитывает необходимости решения основной проблемы – формирование качественно новых внутренних пропорций ВВП. Важно преодолеть зависимость от импорта в решающих отраслях экономики. Пока с импортом меньше проблем, чем с организацией производства при наличии доходов от экспорта энергоносителей. Требуется создание всей совокупности условий национальной экономической безопасности. Кстати, в Доктрине продовольственной безопасности России, утвержденной Указом Президента РФ от 30 января 2010г. № 120 (см. «Российская газета, 3 февраля 2010г.), определены пороговые значения по долям отечественной продукции в удовлетворении потребностей населения. Эти значения довольно высоки – от 85% по мясу и мясопродуктам, до 95% – по картофелю и зерну. Но при этом в Доктрине не определена доля отечественных средств производства для производства названных видов сельхозпродуктов. Воспроизводственный аспект продовольственной безопасности не прослеживается. Аналогичная ситуация в лесном хозяйстве – на огромных территориях лес погибает. Нет прежней системы лесного хозяйства, занимавшейся воспроизводством лесного богатства, его экологической защитой. Невнимание на государственном уровне к развитию целого ряда отраслей проявляется в недооценке значения государственного регулирования производства средств производства на базе остатков машиностроительного комплекса страны, который пока еще мог бы быть стартовой площадкой неоиндустриализации и инновационного процесса. В весьма острой форме проявляются последствия ликвидации многих предприятий легкой промышленности по причине их необеспеченности современными, конкурентоспособными средствами производства. Это привело к тому, что доля отечественных производителей в производстве продукции легкой промышленности в 2013 г. не превышает четверти, а три четверти импортируется. Подобное имеет место и в производстве продукции машиностроения, продовольствия, средств современной связи (мобильные телефонные аппараты). Для производства многих видов высокотехнологичной продукции средства производства импортируются, организуется «отверточное» производство легковых автомобилей. С ликвидацией «Атоммаша» страна лишилась возможностей использования многих видов отечественного оборудования, необходимого для развития атомной энергетики.

Экономический рост в отраслях, ведущих за собой другие отрасли, возможен только на базе продуктовой модели, а не модели монетаризма и общего «баланса» товары-

деньги. Основной остается проблема восстановления на качественно новом уровне производства в первом подразделении – в производстве самых современных средств производства, особенно первого подотдела – для производства «оцифрованных» средств производства – высокопроизводительной техники нового поколения. Это базисное условие роста производства средств производства, о которых еще 10-15 лет назад мы имели самое общее представление. Теперь эти блага тоже в основном импортируются.

Напомним, что в мае 2003 г. в послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию была поставлена задача удвоения объема ВВП в течение 10 лет. «Стартовые» темпы прироста ВВП в России тогда составляли 4,3-4,4%. Предполагался среднегодовой темп прироста не ниже 7,15% – более чем в два раза выше среднемировых темпов того периода. Десять лет прошло, а удвоения самых значимых объемов производства не получилось. На уровне статистической погрешности был рост ВВП в 2013 г. После 2008 г. среднегодовые темпы прироста ВВП были ниже необходимых 7,15% прежде всего потому, что рост был ориентирован в основном на увеличение добычи нефти и газа, а также на производство услуг, в том числе по бесконечной ликвидации последствий катастроф (пожары, авария века на Саяно-Шушенской ГЭС, аналогичные по последствиям наводнения, взрывы складов с боеприпасами, ликвидация химического оружия, демонтаж ракетных установок и т.п.). Остается полуразрушенным машиностроение, где могли бы производиться более эффективные средства производства. За последнее десятилетие в отдельных отраслях удалось улучшить ситуацию. В частности в металлургии обеспечено ее приспособление к потребностям современного производства. В этом плане совершен технологический «прорыв». Примером являются мощности в г. Выкса (Нижегородская обл.). Однако на общем фоне этого явно недостаточно.

Необходимо восстановление масштабов производства отечественного высококачественного цемента – основы реализации инвестиционных проектов, связанных с капитальным масштабным эколого-защитным, социально-культурным, жилищным и с промышленным строительством. По этой причине растет доля импортируемого из Турции и Ирана низкокачественного и сравнительно более дешевого цемента. Его основными потребителями являются строительные организации Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Использование импортируемого цемента, как отмечают специалисты, может стать миной замедленного действия при восстановлении жилого фонда, разрушенного во время катастрофы в г. Крымске и его окрестностях. Тем более не годится этот материал в промышленном и гидротехническом строительстве. Проблемы производства основных стройматериалов как базы крупномасштабной индустриализации требуют повышенного внимания к развитию отрасли при финансовой поддержке государства, в том числе и в форме целевого пополнения уставных капиталов компаний, имеющих опыт производства высококачественного цемента («Новоросцемент», «Мордовцемент» и др.). К сожалению, их финансовая поддержка в федеральном бюджете на очередную «трехлетку» (2014-2016 гг.) не значит, хотя в целом в российской экономике предусмотрено увеличение инвестиций не менее чем до 25% к ВВП за три года (к 2015 г.) и до 27% за пять лет (к 2018 г.).

Проблема совместимости качества результатов взаимодействующих звеньев кооперации труда решается только на базе вертикальной интеграции. Обнадешивает развитие корпораций типа «Ростехнологии». В их масштабах основной задачей остается обеспечение совместимости (адекватности) деятельности звеньев кооперации труда. Это достигается на основе подчинения функционирования каждого звена достижению конечного результата. При этом преодолевается неполное соответствие решаемым задачам занятых здесь трудовых ресурсов. Организуется переподготовка кадров. Весьма положительной тенденцией последних лет является поддержание таких компаний выделенными на целевой основе значительными бюджетными средствами.

В использовании **трудовых ресурсов** в масштабе страны в целом нет выверенной стратегии. Недооценивается положение теории, что этот вид ресурса следует разви-

вать не только как создающий блага, но и как фактор радикального изменения состава и структуры производимых благ на основе развития способностей людей. А способности, имеющие отношение к экономике, совершенствуются в процессе труда по восходящей линии, с переходом от участия в менее сложных процессах к более сложным. Настоящих работников долго и с определенной целевой установкой «выращивают». В этом плане уникален и поучителен японский опыт. В России отказались от советской системы «выращивания» кадров, но не создана новая система. Восприняты и реализуются убогая концепция семьи как поставщика трудовых ресурсов на рынок труда, концепция «естественного уровня безработицы». «Естественный уровень безработицы» оправдывает бездеятельность органов власти в решении проблемы ее полной ликвидации. В России не решается проблема снижения ее небывалого в мирное время уровня. Первостепенной остается проблема занятости. Предельные значения фактической безработицы (от 33,5% в Чеченской республике до 47,3% в Республике Дагестан) являются следствием неэффективной политики федерального центра, декларирующего мнимое благополучие и «успешность». Реальностью, однако, стала массовая утрата навыков к труду, обусловившая неспособность людей участвовать в процессе труда на высоком технологическом уровне. Спрос предприятий на технологии высокого уровня остается низким: лишь 24 млн человек из 68 млн чел. работающих заняты в сфере материального производства, где приобретаются современные трудовые навыки и формируется атмосфера взаимодействия и соперничества, положительно влияющая на общий результат. Массовая безработица подобное исключает – чаще всего надолго. В этой связи требует поддержки требование президента России, сформулированное по отношению к правительству страны – обеспечить создание и модернизацию 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 году [2]. Это примерно столько, сколько их имеется в промышленности в настоящее время.

Безработица является реальностью не только в республиках Северного Кавказа, где была гражданская война, но и в других регионах. Негде работать коренному населению Крайнего Севера, Восточной Сибири и Дальнего Востока страны (якуты, чукчи, эвенки, камчадалы, буряты и др.). Бывшие оленеводческие хозяйства уничтожены. В Республике Тыва безработица также на «примерном европейском уровне» (23%) – как в Испании. В социальном государстве, каким декларирована Россия в ст. 7 Конституции РФ, в таких масштабах безработица должна быть исключена. При этом центральной задачей должно быть изменение характера и повышение производительности труда как доминанты образа жизни, предполагающего качественно новую модель потребления и использования свободного времени людей – при сокращении продолжительности рабочего дня. В России для всех чиновников при твердых окладах продолжительность рабочего года в днях сокращается за счет введения новых праздников. Получающие зарплату в зависимости от выработки эти новшества воспринимают с нескрываемой иронией по поводу связи теории рынка труда с практикой и в праздничные дни подрабатывают.

Проблема адекватности личного фактора производства требованиям инновационного процесса на основе неондустриализации обостряется. Структура совокупного работника по профессионально-квалификационному составу, в конечном счете, предопределяет факторные условия общественного воспроизводства. Это подчеркивает значимость адресной подготовки и повышения квалификации кадров всех уровней на основе госзаказа. Реальные тенденции в этой области консервируют модель развития, исключаящую инновационность как определяющую характеристику. К сожалению, негативная динамика структуры совокупного работника в обозримой перспективе не будет преодолена при отсутствии в этой области соответствующей стратегии. Не поможет и формирование «наверху» кадрового резерва, не имеющего представления о неондустриальной модели развития. Этот резерв специально не образован, то есть не «выращивался». В основе его формирования – принадлежность к правящей партии. Решение проблемы трудовых ресурсов осложнится в связи с высокой смертностью самой

активной части работающих от десятков видов случающихся все чаще и по всей стране аварий и техногенных катастроф. Это является следствием эксплуатации отжившей свой век техники, низкого уровня подготовки кадров.

Экономический рост будет тормозиться тем, что возрастет «социальная» доля фонда потребления в связи со старением населения, ограничится накопление как основное условие расширенного воспроизводства. «Старение» населения всегда было фактором консерватизма в структуре потребления и в действии стимулов к труду. Проблема качества и квалификации работающих еще более обострится. Запущенность социальной инфраструктуры мелких поселений, где проживают не менее 8-10% населения страны, завершит процесс превращения этой части граждан в самый неперспективный (с точки зрения вовлечения в современное производство) слой населения. Сегодня это можно поправить улучшением бюджетного финансирования социальных программ и повышения эффективности их реализации на местах. Один лишь материнский капитал не решит проблемы повышения рождаемости. «Заброшенность» малых деревень стала фактором роста неграмотности проживающих там детей.

Возрастающие трудности связаны с **финансовыми и кредитными ресурсами**, поскольку технико-технологическая отсталость наукоемких и фондоемких отраслей при сложившемся уровне цен и спросе проявляется в низкой рентабельности отраслей и незначительных доходах, которые после уплаты налогов могли бы быть направлены на инвестиции. Получается так, что «отказ от нефтяной иглы» невозможен в оперативном и директивном порядке. Он не может быть слишком быстрым, но и промедление в условиях присоединения России к ВТО опасно. Для активизации этого процесса представляется приемлемой следующая схема ресурсного обеспечения неоиндустриализации.

1. Максимально используется потенциал предприятий несырьевого сектора, на продукцию которых является устойчивым спрос на внутреннем и международных региональных рынках. Это в полной мере относится к отраслям военно-промышленного комплекса, занимающего все более прочные позиции на мировом рынке. По официальным данным, в 2012 г. объем экспорта поставок продукции российского ВПК превысил 14 млрд долларов. Уместно напомнить, что максимальным было снижение экспорта продукции военного назначения (до 1,7 млрд. руб. в год) в первой половине девяностых годов. В конце 2012 г. портфель заказов российскому ВПК превышал 43 млрд долларов. Военную технику из России импортируют 35 государств различных регионов мира. В военно-техническом сотрудничестве с Россией участвуют 80 стран.

В действующей модели выручка от экспорта продукции ВПК используется для импорта оборудования в целях модернизации предприятий, способных выпускать продукцию двойного назначения. При сложившейся в последние десятилетия недооценке в теории и на практике проблематики пропорций воспроизводства и явном упадке отраслей, производящих средства производства для производства наукоемких средств производства и военной техники, использование валютной выручки остается формой выхода из трудного положения. Поэтому надо сокращать импорт всего, что может быть произведено в России.

2. На базе отечественных и «смешанных» технологий быстро наращивается наукоемкое производство на экспорт и для внутреннего рынка в сырьевых отраслях, использующих воспроизводимые и иные ресурсы (сельское хозяйство, производство продуктов питания, переработка леса и древесины, рыболовство и рыбобовство, промышленность по производству удобрений и средств защиты растений, стройматериалов и т.п.). Россия, будучи лесной державой, является второстепенным экспортером продукции переработки древесины. Возможности ее в этом отношении уникальны – страна является лидером по площади лесных массивов. В сравнительно короткий период в регионах, имеющих достаточные трудовые ресурсы, может быть осуществлена радикальная модернизация заготовки и переработки древесины, производства из нее высококачественных материалов для экспорта и для удовлетворения растущих вну-

тренних потребностей. Спрос на эту продукцию на первом этапе будет возрастать в странах СНГ и в Китае. При колоссальных запасах древесины и при возможностях ее доставки в места переработки водным транспортом реально возможна радикальная модернизация отрасли. Россия вполне может стать лесоперерабатывающей державой. Это предполагает создание современной отрасли лесного хозяйства, занимающейся воспроизводством, «лечением» лесных массивов на научной основе.

3. В агропромышленном комплексе, в отрасли рыбоводства и рыболовства назрела радикальная реформа, целью которой должно стать возрождение села, а также крупных государственных и кооперативных предприятий в отраслях продовольственного комплекса. На этой основе возможно постепенное возрождение в регионах центров подготовки и повышения квалификации соответствующих кадров. Выручка от экспорта продукции сырьевых отраслей на базе нового подхода к использованию воспроизводимых ресурсов может стать источником для оплаты импорта техники и ряда товаров, традиционно не производимых в России.

4. Значительные возможности финансовой поддержки реального сектора экономики связаны с улучшением бюджетного финансирования национальной экономики. Оно относительно ухудшается. Доля расходов на национальную экономику в расходах федерального бюджета в 2012–2014 гг. сокращается с 17,3% до неполных 13%. Фактически и указанные выше проектируемые расходы на национальную экономику были «урезаны» в пользу национальной обороны и других разделов, что стало основанием для очередного засекречивания структуры расходов бюджета. Масштаб «секретного» урезания расходов бюджета на национальную экономику связан с оценкой ее как «перефинансируемой». Продолжается реализация установки, согласно которой темпы роста расходов бюджета должны отставать от темпов роста ВВП. Подобная точка зрения представляется необоснованной. Невысокую долю расходов бюджета на национальную экономику в условиях модернизации производства следует увеличивать – хотя бы в меру роста ВВП. Иначе невозможен рост доли высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте к 2018 г. в 1,3 раза по отношению к уровню 2011 г., что предусмотрено Указом Президента России от 7 мая 2012 г. № 596.

5. Поскольку эффективность «антикризисной составляющей» в экономической политике государства оказалась невысокой даже при наличии нерационально используемой «подушки безопасности», пора в полной мере изменить порядок резервирования выручки от экспорта энергоносителей. Сегодня два создаваемых фонда (резервный и национального благосостояния) практически оказались фондами страхования рисков, связанных с ошибками и просчетами в экономической политике. В качестве таковых они слишком велики (по 2,6 трлн. руб.). Постепенно резервирование средств следует сокращать до оптимального уровня. Только на основе улучшения финансирования развития национальной экономики реальностью станут существенный прирост наукоемкого производства и рост его доходности. В перспективе постепенно следует максимально сократить использование Резервного фонда как зарубежного финансового актива и увеличить объем выделения ныне резервируемых средств на инвестиции. Сложившаяся после 2008 г. схема использования резервных финансовых ресурсов государства «работает» на укрепление экономики стран зарубежья в ущерб экономике России и за ее счет.

6. Активизация инновационного процесса немыслима без реформы кредитной системы. Крупным резервом пополнения кредитных источников неоиндустриализации остается запрет на «перелив» доходов граждан России на оффшорные счета. Для этого требуется политическая воля, принятие соответствующего закона. Возможность открытия банковских счетов в оффшорах открывает перспективу использования средств на счетах как кредитного ресурса зарубежья, а не собственной страны. «Закрытие» каналов перелива средств в зарубежье и увеличение кредитных ресурсов позволило бы сокращать внешний и внутренний государственный долг, рост верхних

пределов которых с начала перехода к трехлетним бюджетам, то есть с 2008 г., усиливается (табл. 1). И это происходит в ситуации, когда внешний корпоративный долг уже равнозначен объему золотовалютных резервов страны.

Таблица 1.

Ежегодно устанавливаемые верхние пределы государственного внутреннего и внешнего долга Российской Федерации в 1995–2016 гг. (на конец года)

1995–2004 гг.			2005–2015 гг.		
Годы	Предел государственного внутреннего долга (млрд руб.)	Предел государственного внешнего долга (млрд дол.)	Годы	Предел государственного внутреннего долга (млрд руб.)	Предел внешнего госдолга (млрд дол.)
1995	159,3	129,9	2010	3301,8	63,3
2000	593,0	158,0	2011	4109,7	83,4
2001	575,7	148,2	2012	6976,4	65,2
2002	688,0	131,0	2013	6600,5	66,2
2003	842,1	127,3	2014	7590,3	75,8
2004	988,1	115,1	2015	8313,7	83,8
2005	998,5	106,9			

Источник: материалы приложений к законам о федеральном бюджете на соответствующие годы. Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» от 3 декабря 2012 г. № 216-ФЗ.

При этом не учитывается, что превзойдена полутриллионная (в долларах) отметка роста внешнего долга российских корпораций. Накопление госдолга неизбежно порождает «финансовую пирамиду» с необходимостью новых займов для погашения срочных и просроченных долгов и процентов по ним. Россия идет по этому пути.

7. Наличие существенных резервов инвестирования в неоиндустриализацию, пока не используемых, диктует внесение изменений в действующие законы, принятие новых. Необходим закон о проведении экспериментов в экономике с организацией соответствующего мониторинга и анализом результатов. Эксперимент должен иметь научное сопровождение уровня не ниже экономических институтов РАН, а не уровня Агентства стратегических инициатив, то и дело предлагающего примитивные «дорожные карты». Одной из них является «дорожная карта» Красноярского экономического форума – «карта перемен» на основе объединения в одной модели процессов и факторов, в названии которых первой является буква И (институты, инвестиции, инновации, интеллект, изобретения). Все это названо «драйвом мобилизации». Есть также «дорожная карта», в которой отражено «обоснование» необходимости доведения к 2018 г. доли госзаказов малому и среднему бизнесу почти до 25–30% (не менее двух триллионов рублей) от общего объема госзаказов порядка 7 трлн руб. Лоббирование малым и средним бизнесом названной доли и «научное сопровождение» такого лоббирования вполне объяснимо. Участники имитируемых электронных торгов уже давно получают коррупционную долю более 1 трлн руб. в год. Эта величина растет. Если участников кампании станет больше, рост коррупционного налога ускорится.

Чтобы экономические эксперименты не были коррупционными, их обоснование должно быть инициировано учеными, имеющими высокую научную репутацию. Но и при этом концептуальная схема эксперимента должна всесторонне и открыто обсуждаться – не как «секретный» бюджет, обсуждение которого, согласно Бюджетному кодексу, идет по иному регламенту. Критически должны оцениваться и результаты экспериментов – с последующей корректировкой. Опыт проведения экономических экспериментов в СССР был не вполне удачным только потому, что результаты их проведения должным образом не обобщались, не было организовано соответствующего мониторинга, ошибки не исправлялись, а усугублялись. Характерный пример – ми-

нистерский хозрасчет, открывший путь для получения неадекватных результатам труда доходов. Это многим понравилось. Затем с использованием имущества государства стали создаваться кооперативы, принесшие многим директорам доходы, достаточные для «эффективного» участия в приватизации. Критика этой практики была без реагирования на нее органов власти.

Сегодня многие «дорожные карты» имеют аналогичную подоплеку. Они становятся элементами декларируемых «стратегий», при этом последовательно реализуемых в самой негативной их части. Достаточно напомнить о том, что почти ничего не делается по преодолению социально опасной дифференциации доходов населения. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 537 от 12 мая 2009 г.) в числе основных характеристик состояния национальной безопасности назван децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения). Снизить сложившееся соотношение – не менее чем «дорожная карта». Фактически дифференциация усиливается, про карту забыли. Все это является следствием отсутствия механизмов, регулирующих перераспределение (в том числе и с помощью прогрессивных налогов) наиболее высоких доходов. Действующие механизмы ценообразования и получения доходов производителями благ и услуг исходят из трактовки «безмерности» предпринимательских способностей в официальных курсах экономической теории. Эти способности также «безмерно» и неограниченно вознаграждаются за счет разницы между выручкой и затратами. Практически это означает полную свободу в дифференциации оплаты труда, причем вне всякой связи роста заработной платы с ростом производительности труда. В такой ситуации мотивация результативного участия в инновационном процессе практически отсутствует. Работающие по найму в условиях инфляции получают «свое» в урезанном виде, что особенно касается мигрантов. Хозяева и менеджеры предприятий получают «свое» с многократной «добавкой» в различных формах. Это предопределяет соотношение средних доходов «крайних» децильных групп, не допускаемое нигде в мире. Россия оригинальна и в этом: не работать – так не работать, но получать, так получать. Эта «крылатая» мысль чиновников материализуется на их оффшорных счетах. В России за период трансформационного процесса названное соотношение приблизилось к 20:1. Есть своего рода «дорожная карта» формирования таким образом среднего класса. Политика оплаты труда и механизмы ее регулирования как не отражали, так и не отражают реальную результативность труда людей, входящих в крайние децильные группы. Нет никакой реакции на то, что после утверждения названной Стратегии децильный коэффициент угрожающе растет. А «приличные заработки» «предпринимательски мыслящего» среднего класса переводятся в оффшоры.

8. В сложившихся условиях взаимодействие государственного и негосударственного секторов обнаруживает неспособность эффективно использовать трансформированные экономические механизмы в качестве инструментов обеспечения роста. Заслуживают внимания идеи академика Ю.В. Яременко о возможном использовании модели «двухсекторной экономики», где довольно значительная, хотя и «малоподвижная плановая экономика соседствует ... с быстроразвивающейся рыночной экономикой в виде мелких и средних предприятий» [3]. Степень этой свободы выше в негосударственном секторе. Но государственный сектор имеет другое преимущество – по определению он более устойчив и защищен. С помощью приватизации, перед которой происходит наращивание за счет бюджета активов приватизируемых компаний, указанная «защита» снимается. Делается все для того, чтобы был один частный сектор. В Китае их два. Как отмечал Ю.В. Яременко, активизировать госпредприятия побуждает то, что «рядом с этими предприятиями уже кипит жизнь второго сектора» [3]. Если конкуренция «оживляет» госсектор, его незачем ликвидировать. В России получилось так, что второму сектору «кипеть» не требуется, ибо он создан на грабительской основе, и его ближайшая цель – застраховаться от национализации, «вывести» ка-

питал из страны. Однако есть пределы разрушения госсектора. Его «критическая масса» должна быть сохранена. Планы приватизации госсектора после бюджетных вливаний реализуются по самым коррупционным схемам. Казалось бы, равным образом защищенные конституционно эти секторы экономики оказываются в неравном положении. Конфискация приватизированного преступным путем имущества криминального бизнеса не проводится и тем самым обеспечивается защита частной собственности. В то же время без защиты снова за бесценок приватизируется госсектор. Конституционной «равной защиты» разных форм собственности в стране просто нет.

Практически сложился механизм, дестимулирующий инновационный процесс на уровне основной массы работающих по найму. В среде чиновничества установка на формирование «среднего класса» воспринята усилением коррупционных начал в формировании доходов. Поражает воображение официальная статистика сохранения на высоком уровне числа преступлений, совершаемых лицами, имеющими особый правовой статус. По данным главы Следственного комитета Российской Федерации А. Бастрыкина, положение таково (табл. 2).

Таблица 2

Численность чиновников разного уровня, имеющих особый правовой статус, по которым приняты решения об уголовном преследовании

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Принято решений об уголовном преследовании лиц, имеющих особый правовой статус	594	758	761	556
В 2011 г. указанная выше величина распределялась следующим образом:				53
Следователи органов внутренних дел				9
Следователи Следственного комитета				8
Работники наркоконтроля				200
Депутаты органов местного самоуправления				208
Выборные главы муниципальных образований				4
Судьи				12
Члены избиркомов				13
Прокуроры и их помощники				49
Адвокаты				

Источник: www.rg.ru (9 декабря 2011 г.).

Отрыв доходов от реальных трудовых вкладов на основе присвоения ренты и «коррупционного налога» имеет крайне негативные последствия: такой механизм не может быть эффективным с точки зрения мотивации труда. В сложившейся экономической среде инновационный процесс отчасти ориентирован не на производство, а на разработку «инновационных» схем углубления криминализации экономики и всей бытовой сферы. Группы населения, имеющие высокие доходы, будут и впредь состоятельными для оплаты создания «необходимых» схем. Трудовая мотивация может быть действенной только в органическом единстве индивидуальных и коллективных результатов – как отражение факторных взаимосвязей в реальной кооперации труда. Это предполагает государственное макрорегулирование соотношения производительности труда и заработной платы. Оно ухудшается, потому что не регулируется.

В стране фактически ликвидирована действовавшая ранее система повышения квалификации работников государственной службы высшего уровня, способной готовить кадры и для эффективного проведения экономических и управленческих экспериментов. На этом пути требуются политическая воля и осознание необходимости более активного экспериментирования в экономике с анализом результатов экспериментов в среде, изменяющейся благодаря их проведению.

Список использованных источников

1. Губанов С.С. Державний прорыв. Неиндустриализация России и вертикальная интеграция / С.С. Губанов. – М.: Книжный мир, 2012; Селезнев А. Об одном исследовании проблематики воспроизводства / А. Селезнев, Л. Чередниченко // «Экономист». – 2014. – № 1.
2. Указ Президента России от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике».
3. Яременко Ю.В. Экономические беседы / Ю.В. Яременко. – М., 1999. – С. 198, 218.

У статті аргументується необхідність перегляду структурної політики держави як фактору активізації інноваційного процесу в Росії. У центрі уваги – матеріальні, трудові та фінансово-кредитні ресурси, невідповідність тенденцій їх формування інтересам підвищення економічної безпеки країни. Пропонується закріплення інвестиційно-відтворювальної домінанти неоіндустріального розвитку, відмова від практики перетворення виручки від експорту у зарубіжний фінансовий актив держави.

Ключові слова: *паливно-енергетична та першопередільна домінанти у структурі виробництва в економіці Росії, неадекватність ресурсної моделі потребам неоіндустріального розвитку, матеріальні, трудові, фінансово-кредитні ресурси.*

We are considered the necessity of revision of the structural government policy as a factor of innovation process activation in Russia. There are material, labor, financial and credit resources, discrepancy between its formation trends and the interests of national economic security at the center of attention. We offer to fix the investment and reproductive dominance of neo-industrial development, to refuse practice of the conversion of export proceeds in the state foreign financial assets.

Key words: *fuel and energy dominance in the production structure of Russian economy, inadequacy of the resource model to neo-industrial development needs, material, labor, financial and credit resources.*

Одержано 21.02.2014.